

4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, С. 37
5. Немец Г. П. Семантико-синтаксические средства выражения модальности в русском языке. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1989. --- 144 с.
6. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. — С. 373-374.
7. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. С. 334.
8. Яценко Т. А. Функционирование русских наречий с причинным значением. // *Zagadnienia Yzykoznawcze*, Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa, 1992. — Т. 21 — с. 49-65.
9. Иванова-Лукиянова Г. Н. Чтение вслух с опорой на пунктуацию. Учебное пособие. --- Изд. 2-е, перераб. и доп. --- М.: Рус. яз., 1988. --- 184 с.

Баранова Л. А.

ОДНОКОРЕННЫЕ АНТОНИМЫ С ОТРИЦАНИЕМ В СТРУКТУРЕ АППОЗИТИВНЫХ СОЧЕТАНИЙ: СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КОМПОНЕНТОВ

Одним из интересных стилистических приемов, используемых в современной публицистике, является использование аппозитивных сочетаний с однокоренными компонентами и отрицанием. Однако, прежде чем перейти к анализу структуры подобных сочетаний, представляется необходимым рассмотреть важный теоретический вопрос об определении терминов **аппозиция (приложение)** и **аппозитивные сочетания**, а также о разграничении некоторых видов аппозитивных сочетаний.

Термины **аппозиция** и **приложение** определяются словарями лингвистических терминов [1, 2, 3, 4, 5, 6] и используются в лингвистической литературе как равноправные обозначения одного и того же языкового явления. Следует лишь заметить, что в русистике более распространенным является термин **приложение**. Сущность приложения (аппозиции) — согласованного субстантивного атрибута — определена в литературе достаточно четко. Так, в “Словаре лингвистических терминов” О. С. Ахмановой аппозиция определяется как “паратактическое соположение двух грамматически эквивалентных именных слов для выражения особого рода атрибутивной связи”. Рассматривая аппозицию как особую форму атрибутивных отношений, исследователи отмечают и наличие предикативных свойств: приложение — определение, выраженное именем существительным, совмещающее в себе атрибутивные и предикативные признаки. Приложение определяет предмет или лицо, уточняет и характеризует его с различных сторон. Определяя предмет, приложение одновременно утверждает наличие у него данного признака, в этом проявляются предикативные свойства приложения” [7, с.232]. Однако определяющим свойством аппозиции является атрибутивность. Атрибутивные отношения, связи между приложением и определяемым словом, выражающие качество — свойство предмета, родовой признак, эмоциональную оценку и под., определяются как “аппозиционные” (в терминологии А. А. Шахматова и др.) или “аппозитивные” (данный термин более распространен в современной лингвистике). При этом отмечается, что в системе данных отношений речь всегда идет об одном предмете: “Приложение — существительное, понимаемое в данном словосочетании как данный в мысли

признак или совокупность признаков предмета, обозначенного в том же сочетании другим существительным, и не обозначающее в то же время другого предмета, отдельного от названного этим же существительным” [3, с.92-93]. Подчеркивается, что от приложения следует отграничивать бинومیны — сложные слова и наименования, являющиеся неразложимыми устойчивыми словосочетаниями: *плащ-палатка, диван-кровать*, а также сочетания, носящие неатрибутивный характер: *хлеб-соль, пути-дороги* и др. [8, 9, 7]

Таким образом, определение аппозиции в целом не вызывает противоречий. Значительно сложнее обстоит дело с термином **аппозитивные сочетания**. Речь в данном случае идет о лвухкомпонентной модели атрибутивно-предикативных сочетаний согласованных существительных, образующих единое смысловое целое: “Признак предмета представляется в таком сочетании как сама сущность, не отделяемая от носителя признака: *петух-драчун, девица-красавица*” [10, с.57]. Такие сочетания структурно сходны с моделью парных сочетаний (парных слов), связанных разного рода неатрибутивными отношениями. Различные типы парных сочетаний (сложений) рассматривались в работах Ф. Миклошича, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, А. А. Шахматова, А. Б. Шапиро и др. Н. Боровска [11], анализируя использование парных сочетаний (редупликация, удвоение) в народно-поэтической речи, вводит для их определения термин **геминация** и выделяет два типа геминации: тавтологическую (*умом-разумом, злато-золото*) и семантическую, которая в свою очередь включает синонимическую (*бабы-женщины*), частично-синонимическую (*леса-березы*), определительную (*матушка-добротушка*), а также коллективную (*хлеб-соль, батюшка-матушка*). Кроме определительной геминации, которая, по существу, выражает не что иное как аппозитивные отношения, предложенная классификация включает преимущественно парные сочетания неатрибутивного характера. Так, в парных синонимических сочетаниях, обозначающих один и тот же предмет, второе слово не определяет первое, а лишь усиливает выразительность общего значения сочетающихся слов (*грусть-тоска, тоска-кручина*). Что же касается той разновидности семантической геминации, которую Н. Боровска называет коллективной, то ее составные элементы, обозначающие разные конкретные примеры, служат для выражения в своей совокупности нового обобщающего, собирательного значения (*хлеб-соль* — угощение, гостеприимство; *батюшка-матушка* — родители), являются, как писал А. А. Потебня, “способом обозначения понятия высшего порядка, которое выражается путем обобщений частного, единичного, входящего в его состав” [12, с.530]. Значение подобных сочетаний наряду с термином **коллективное** [11], определяется также как **ассоциативное** [7], **собирательное** [13], употребляется также древнеиндийский термин **двандва** [10, 14]. “Наиболее распространенные и устойчивые парные сочетания являются достоянием поэтики и стилистики фольклора, употребление их в разговорном стиле речи не лишает их фольклорного колорита” [13, с.178]. Многие исследователи отмечают яркую выразительность сочетаний как синонимического, так и ассоциативного характера, стилистическую маркированность самой модели парных сочетаний [13, 10, 14].

Совершенно очевидно однако, что подобные парные сочетания не имеют ничего общего с аппозицией, что отмечалось как А. А. Шахматовым, так и более поздними исследователями: “Неоднородны с аппозиционными словосочетаниями сочетания типа *пути-дороги, хлеб-соль*, носящие неатрибутивный характер” [9, с.10].

Однако в лингвистической литературе второй половины XX века наметилась тенденция использования термина **аппозитивные сочетания** для обозначения всех типов парных сочетаний, в том числе неатрибутивных или даже только неатрибутивных. Так, Т. А. Бертагаев [15], рассматривая грамматические отличия между отдельными видами парных сочетаний, компоненты которых выражены существительными, использует, как равнозначные, термины **парные синонимы** — **парные сочетания** — **аппозитивные сочетания**, хотя понятия парных сочетаний и парных синонимов соотносятся как родовое и видовое, а атрибутивный характер аппозитивных сочетаний делает их несоотносимыми с парными синонимами.

Л. В. Зубова [10, 14], приняв за основу введенный Н. Боровской термин **геминация** и используя предложенную ею классификации геминаций, ставит знак равенства между понятиями **парные слова** — **аппозитивные сочетания** — **геминация**. Автор особо подчеркивает, что не являются аппозитивными сочетаниями, наряду со сложными словами, сочетания с приложением, однако включает при этом в разновидности семантической геминации (а геминация и аппозитивные сочетания эквивалентны, с точки зрения автора) сочетания с определительными отношениями (*матушка-добротушка*), то есть, по сути, сочетания с приложением. Логически непоследовательным, с нашей точки зрения, представляется исамо отторжение понятия аппозитивного сочетания от исходного понятия аппозиции (в традиционном его толковании). Подобная трактовка предполагает смешение понятий аппозиции и паратаксиса, о чем свидетельствует, например, следующее утверждение: “Особый интерес представляют сочетания типа *дым-туман, змей-наук*, соединяющие в себе свойства сочетаний трех типов: синонимических (типа *путь-дорога*), определительных (типа *жар-птица*) и состоящих из двух равноправных элементов — “двандва” (типа *гуси-лебеди*). Они наиболее типичны для аппозитивных сочетаний вообще, так как природа аппозиции проявляется в них наиболее полно: “Поскольку сочетаемые слова только сопоставлены без выражения зависимости, все члены сочетания оказываются одинаково сильными” (А. А. Потемня). Значима сама конструкция: соположение элементов — сигнал их равенства” [14, с.91]. Если исходить из посылки автора о том, что природа аппозиции проявляется наиболее полно в соположении элементов, то речь в таком случае должна идти не о природе аппозиции, а о природе паратаксиса — “способа выражения синтаксических отношений путем простого соположения соотносящихся элементов без формального выражения синтаксической зависимости одного от другого” [1, с.311]. Паратактическое соположение элементов является признаком всех видов парных сочетаний, в том числе и аппозитивных, то есть аппозиция и паратаксис соотносятся как явления разных уровней. Цитируемая фраза А. А. Потемни также доказывает лишь паратактический характер данных сочетаний, а не их аппозитивность (атрибутивность), тем более что в полном контексте приведенной его цитаты аппозитивные сочетания не упоминаются вообще, речь идет о сочетаниях неатрибутивного типа.

Таким образом, наметившаяся тенденция расширительного толкования аппозитивных сочетаний как всех видов парных сочетаний существительных, соединенных по принципу паратактического соположения элементов, на наш взгляд, совершенно неправомерна и приводит лишь к нечеткости и неоднозначности терминов. Необходимо четко разграничить, с одной стороны, парные сочетания граммати-

чески эквивалентных имен существительных, связанных определенного рода атрибутивными отношениями, а с другой стороны, формально сходные сочетания неатрибутивного типа. А поскольку термины **аппозиция**, **аппозитивные отношения** в лингвистической традиции достаточно устойчиво связаны с атрибутивным характером, то термин **аппозитивные сочетания** применим лишь по отношению к сочетаниям первой группы.

Приняв за основу традиционную трактовку аппозитивных сочетаний как сочетаний определяемого существительного с приложением, где приложение обозначает качество-свойство определяемого, дает характеристику этого предмета или явления, служит средством эмоциональной оценки или выступает в роли эпитета, остановимся более подробно на одной из нетрадиционных разновидностей — аппозитивных сочетаниях с антонимическими компонентами.

Принято считать, что антонимы не могут выступать в качестве приложения. Так, в энциклопедии “Русский язык” при определении приложения особо отмечается: “От приложения следует отграничивать... сочетания антонимического характера (*купля-продажа, прием-выдача*)” [7, с.232]. Однако наблюдения над языком современной художественной литературы и публицистики показывают, что сформировались и достаточно активно функционируют сочетания существительных атрибутивного типа, в которых приложение и определяемое им существительное являются антонимами (*богач-бедняк, друзья-враги, любовь-ненависть, вражда-любовь*). При сравнении подобных сочетаний с приведенными выше сочетаниями типа *купля-продажа, прием-выдача* совершенно очевидно, что речь идет о разных языковых явлениях, о разных типах семантических отношений между компонентами формально сходных сочетаний. Сочетания типа *купля-продажа* носят неатрибутивный характер, их компоненты, равные по смысловой роли в структуре сочетания, называют два разных предмета, явления или действия, составляющих в результате их соединения некое совокупное целое. Такие сочетания обобщающего характера, как уже указывалось выше, не являются аппозитивными. В аппозитивных сочетаниях речь идет лишь об одном предмете или явлении, названном определяемым существительным. Антонимическое определение, выраженное согласованным существительным, не отрицает определяемое, а раскрывает его внутренне противоречивую сущность. Особого интереса заслуживают антонимические сочетания с однокоренными компонентами и отрицанием: *быль-небылица, были-небыли, дети-”недети”, ведение-неведение, цвет-нецвет, любовь-нелюбовь, доля-недоля, погода-непогода, люди-нелюди*. Такого рода сочетания, используемые, как правило, для обозначения сложных, противоречивых явлений, построены обычно на семантической многоплановости, актуализируемой контекстом. Так, “*Были-небыли*” — название цикла рассказов Ф. Абрамова, которые сам автор характеризует таким образом: “Эти истории не выдуманы, взяты из жизни, все они — *были*. Но *были*, которые кажутся *небылью*”. Приведем еще ряд примеров: “Для молодых лимитчиц в фильме — это *быль-небылица* о красивой жизни в столице” (Соц. индустрия, 6.12.88); “Теперь свадьба была бы слишком обыденным выходом из этих долгих отношений *любви-нелюби*” (С. Бардин. Мой друг насущный...); “Лицо было утомленное, неухоженное, в сухих мелких морщинках. Серо-землистое — “... тот *цвет-нецвет* лица, с которым мало вероятно, что уже когда-нибудь расстанусь — до последнего *нецвета*...” (М. Белкина. Скрещение судеб. — Внутренняя цитата принадлежит М. Цветаевой). Далекое не всегда смысловые отношения компонентов подобных

сочетаний очевидны вне контекста, особенно если один из компонентов является авторским неологизмом, как в последнем из приведенных примеров. Название газетной статьи “*Дети-недети*” также становится понятным лишь из самой статьи: “В настоящее время в Китае насчитывается примерно миллион детей, которые после рождения нигде не были официально зарегистрированы. Эти *дети*, которых в народе называют “*недетьми*”, рождаются главным образом у тех, кто в обход правительственной установки — “одна семья — один ребенок” — хотел бы иметь большее число детей” (Комс. правда, 1.10.88).

В ряде случаев в такого рода сочетаниях с однокоренными компонентами используются и слова, уже не являющиеся антонимами, разошедшиеся по значению. Так, используемые в сочетаниях *люди-нелюди*, *погода-непогода*, *доля-недоля* слова с лексикализовавшимся НЕ- приобрели в языке новые значения (“*нелюди* — плохие, дурные люди”; “*непогода* — плохая погода, несчастье”; “*недоля* — тяжелая, несчастливая доля, судьба” — МАС), в результате чего, будучи употребленными в газетных статьях в составе приведенных сочетаний в качестве приложения, они не отрицают определяемое, а придают ему дополнительное значение отрицательного качества с ярко выраженной оценочной экспрессией: “Тема женской *доли-недоли* пронизывает каждое слово ее стихов” (Комс. знамя, 20.03.92); “Кто они, чьи дети эти *люди-нелюди*?” (Смена, 8.10.90); “Эх, *погода-непогода*, теперь надолго зарядила... Стignet все сено”, — досадовал бригадир” (Забайкальский рабочий, 26.07.88).

Иногда антонимичность компонентов может быть мнимой, используется лишь стилистически маркированная модель подобных сочетаний: “А вокруг недовольных уже выются какие-то таинственные “советчики”. Один такой *советчик-антисоветчик* в то новосибирское утро скоренько влетел в толпу бастующих таксистов и начал их “учить жить” (Правда, 18.05.89). В сочетании *советчик-антисоветчик* мотивирующие существительные *совет* (рекомендация) и *Советы* (форма государственной власти) не являются антонимами, они далеко разошлись по значению, превратились в омонимы, однако сочетание, построенное на внешней, мнимой антонимичности созвучных компонентов, обладает ярким стилистическим эффектом. Подобный прием использован и в названии статьи “*Ведение-неведение*” (Лит. газета, 14.02.96), в которой речь идет о проблемах современного литературоведения. *Неведение*, как известно, синоним *незнания*, а вот *ведение* в контексте данной статьи отнюдь не антоним *незнания*, а часть слова-термина, обозначающего отрасль литературоведения, изучающую творчество определенного писателя или поэта (*пушкиноведение*, *блоковедение* и под.). Осмысление значения данного заголовка, связи его компонентов невозможно вне широкого контекста статьи, однако он выполняет определенную рекламную функцию, привлекая внимание читателей, вызывая их интерес.

Описанные сочетания используются главным образом в языке публицистики. Семантически ёмкие, построенные на контрасте и внешней парадоксальности, они обладают большими выразительными возможностями и служат ярким, эффективным стилистическим средством.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е. — М.: Сов. энциклопедия, 1969.
2. Вахек Й. Лингвистический словарь Пражской школы. М.: Прогресс, 1964.

3. Дурново Н. Н. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины). — М.-Пг.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1924.
4. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. — М.: Изд-во ин. лит., 1960.
5. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. — М.: Просвещение, 1976.
6. Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. М.: Прогресс, 1964.
7. Русский язык: Энциклопедия. — М.: Сов. энциклопедия, 1979.
8. Костромина М. В. Об отличиях составных существительных от сочетаний с приложением. //Русский язык за рубежом. — 1992. — № 4.
9. Ованова М. Г. Приложение как особый вид определения в современном русском языке. АКД. — М., 1954.
10. Зубова Л. В. Модель народно-поэтических аппозитивных сочетаний в поэзии М. Цветаевой. //Язык жанров русского фольклора. Межвузовский научный сборник. — Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1983.
11. Borowska N. Redoublement des mots dans la poesie populaire russe (a propos du recueil des chansons de geste onegiennes) //Lingua poznaniensis, III, Poznan, 1951.
12. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т.3. — М.: Просвещение, 1968.
13. Гельгардт Р. Р. Виды парных сочетаний и парных объединений слов в языке сказов П. Бажова. //Избранные статьи. Языкознание. Фольклористика. — Калинин: КГПИ им. Калинина, 1966.
14. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
15. Бертагаев Т. А. Об основных типах аппозитивных сочетаний в русском языке. // Ученые записки МОПИ. Т. 32, вып. 2, 1955.
16. Бубните З. Б. Структурно-стилистическая характеристика свободной аппозиции в современном немецком языке. АКД. М., 1978.
17. Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. Изд. 2-е, доп. и перер., — М.: Изд-во МГУ, 1961.

Коновалова Е. А.

АНТОНИМИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Соотносительная противоположность элементов языка — антонимичные отношения — одно из важнейших проявлений системности в языке. «В основе антонимии лежит ассоциация по контрасту, отражающая существенные различия однородных по своему характеру предметов, явлений, действий, качеств и признаков. Антонимия представляет собой одну из важнейших лингвистических универсалий, одно из существенных измерений лексико-семантические системы различных языков» [1, с. 5].

Изучение терминологических единиц с точки зрения их взаимной полярной противоположности способствует системному рассмотрению строения данной терминосистемы и лексики вообще.

Проблематика антонимии неоднократно освещалась в работах отечественных лексикологов, таких, как Д. Н. Шмелев, Н. М. Шанский, Л. А. Новиков, М. М. Покровский [2, 3, 1, 4]. Сложность антонимии как одной из лексико-семантических категорий и языковых универсалий предполагает необходимость разных аспектов ее изучения, среди которых — рассмотрение антонимии в научном стиле речи, в тер-